

УДК 392; 393

К.П. Черемисина

**ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ ИЗ ФОНДОВ МУЗЕЯ
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. В.М. ФЛОРИНСКОГО
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТА**

В данной статье речь идет об экспедиционных записях и фотоматериалах томских ученых-этнографов в период с 1960-х по 1990-е гг., хранящихся в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета. Автором приводятся выдержки из полевых дневников, обосновывается этнографическая ценность такого рода источников, поскольку, сопоставив описание в отчетах с современностью, можно проследить динамику изменения традиционной культуры обских угров.

Ключевые слова: музейные коллекции; полевая документация по этнографии; традиционная культура обских угров; обычаи; верования; символика цвета; семантика природных объектов и животных.

Музей археологии и этнографии был основан будущим попечителем Западно-Сибирского учебного округа и строителем Сибирского университета профессором В.М. Флоринским. Датой основания стало 6 декабря 1882 г. – день празднования 300-летия присоединения Сибири к России. К этой дате предпринимателем М.К. Сидоровым была преподнесена в дар музею первая крупная археологическая коллекция «тобольских древностей художника С.К. Знаменского». Именно с момента поступления данной коллекции В.М. Флоринский начал отсчет истории музея. В 2002 г. музей отметил своё 120-летие. Ныне это самый крупный вузовский музей азиатской части России [1].

Меня как этнографа заинтересовали полевые дневники экспедиций в места проживания ханты и манси, проводимые в основном двумя крупнейшими томскими исследователями культуры обских угров – Н.В. Лукиной и В.М. Кулемзиным в период с 1960-х по 1990-е гг. Этими учеными был собран богатейший материал: записи бесед, попутные наблюдения за жизнью в поселках и на стойбищах, фотографии, различные предметы, их скрупулезное описание и т.д.

Начать хочется с описания полевых дневников, в которых встречаются очень интересные записи. Поездки в основном были к ханты Томской и тогдашней Тюменской области с 1968 г. Последний экспедиционный дневник Н.В. Лукиной датирован 1990 г. Например, во время поездки на реку Казым она записала со слов Леонида Тарасовича Костина следующее: «...есть обычная речь и «божья» речь. Первая – «женский» разговор, а второй владеют только мужчины. Это язык мифологии. Женщины выражают божий язык через орнамент» [2. С. 47–48].

Многие конфликты на исконной аборигенной территории вызывают непонимание и неуважение традиций коренного населения геологами и нефтяниками. Вот один из примеров: «У хантов не принято подновлять могилы,

т.к. мертвому нужен покой, а нефтяники разрушают кладбища, объясняя это тем, что ханты не ухаживают за ними» [2. С. 43–44].

Известно, что ханты, стараясь отвести от своих детей гнев духов, божеств называли их русскими именами. В связи с этим интересным представляется мысль, высказанная А.М. Молдановым о том, что ввести в употребление исконно хантыйские имена невозможно, так как имя дается по имени умершего, а они все русского происхождения [2. С. 118].

Хантыйские женщины – искусные и кропотливые мастерицы, ведь стоит понаблюдать, как они из полоски ткани при помощи ножниц под определенным углом делают надрезы и особым образом ее подворачивают, как понимаешь, что никогда бы не смог так. Или женские вязаные носки, которые на самом деле длиной как чулки, но, присборенные особым образом, на ноге становятся чуть выше лодыжки. Женщины тщательно подбирают цветовую гамму, одно из любимых – сочетание красного с зеленым. Н.В. Лукина пишет: «В Салехарде мне показалась удивительной информация о том, что ханты любят сочетание фиолетового и голубого. Но вот вижу обилие оттенков фиолетового на осенних кустах голубики и голубую ягоду. Подаю Марине (Южаниновой) мысль о том, что неплохо бы заснять всю гамму тундры на слайды и показывать их параллельно с разукрашенной одеждой» [3. С. 57].

Черный цвет у ханты несет негативную семантику. В экспедиционных материалах В.М. Кулемзина есть запись народного поверья о том, что сумасшедшим человек становится оттого, что «Торум налил ему ум из черной крови» [4. С. 7]. Еще один интересный пример толкования красного и черного цветов в сновидении: «Мой отец сильно болел три дня подряд, чуть не умер. Потом рассказал, что во время сна ушел вниз (указал пальцем на север), там подошел к морю, подошел к сторожу, он верхом на черном коне. Впереди много дыма, стоит котел, деготь варят. А мне снилось, пришла ко мне женщина в черном, пошли с ней далеко, проходили какие-то железные заборы, подошли к сторожу на красном коне. Он посадил меня на коня и увез домой, значит, рано умирать» [4. С. 14]. Известно, что в хантыйской культуре красный цвет символизирует Средний мир, мир живых людей, а черный – загробный.

Людам свойственно бояться темноты, так как даже знакомые предметы теряют очертания и выглядят пугающе. Особенно ярко страх проявляется в нетипичных ситуациях, таких как затмение. Считается, что «это покойники себе темноту делают, чтобы к людям прийти. Всегда к несчастью затмение солнца и луны» [5. С. 8].

Семантику синего цвета выделить сложнее. На ритуальной одежде шамана есть предметы этого цвета, присутствие которого объясняется следующим образом: «Один из духов – помощников шамана – чернбурая лиса, которая, когда линяет, становится сине-голубого цвета» [6. С. 11].

Множество запретов берут истоки в промысловой магии обских угров. В.М. Кулемзину была поведена примета: «Если ранишь лося и он заорет как корова, то, значит, из родни этих охотников будет покойник. Этого лося, значит, нельзя было убивать» [6. С. 7].

Поскольку ханты издревле жили в тесном контакте с природой, существует огромное количество примет и поверий, связанных с деревьями и жи-

вотными. Земноводные, птицы, животные своим неожиданным появлением или нетипичным поведением предупреждали об опасности, грядущих событиях, а некоторые из них являлись воплощением сверхъестественных сил, поэтому человеку такая встреча не сулила благ. Из экспедиций В.М. Кулемзина: «По словам информанта А.И. Бардиной: «Другой раз, у меня Сережка еще маленький был, ягоду брали, я, где он стоял, солью посыпала, чтоб змея к нему не подползла. А сама наткнулась на змею в кочке. А зимой отца Сережкиного застрелил мужик» [7. С. 4].

На Васюгане считают, что лягушек убивать нельзя, так как при жизни «будешь болеть», а после смерти «лягушки будут на том свете есть» [7. С. 2].

Деревья необычной формы в народном сознании имели свойства некоего портала в другой мир. В народном сознании за такими деревьями прочно закрепилось представление, что они обладают «оборотными» способностями. Так, в Березовском р-не Тюменской области верят, что «в лесу, в одном месте есть наклонное дерево, с обеих сторон его корни. Если под этим деревом пройдешь и не знаешь о нем ничего, то превратишься в зверя. Ум остается человеческим, а образ меняется. Если обратно пройдешь под деревом – снова в человека, в себя превратишься» [4. С. 8–9].

Существует поверье, что если кто-то слышал или видел, как упало дерево, нужно идти, найти его и отрубить вершину, чтобы не случилось несчастья. По словам информантов, «один охотник не смог найти такое дерево и скоро умер» [5. С. 10].

Естественно, что во время тяжелой болезни ханты обращались за помощью к шаманам, веря, что болезни насылают злые духи. Ханты считали, что болезни можно избежать: *лиль* (одна из душ) могла вернуться в тело сама, ее мог водворить на место шаман, можно было лечь среди умерших на кладбище (дух болезни, считая там всех мертвыми, уходил прочь) [5. С. 7].

Шаманы являлись медиаторами между мирами человека и духов. Поэтому в переходные этапы жизненного цикла существовали определенные табу. Например, когда покойник дома, то не разрешается входить шаманам или говорить про них [5. С. 5].

Вместе с Н.В. Лукиной и В.М. Кулемзиным в экспедицию Томского государственного университета к васюганским ханты отправился тогдашний студент Е.М. Титаренко, чью рукопись диплома я также обнаружила в фондах МАЭС. В работе «Промысловый культ у восточных хантов» он ссылается на свой полевой опыт: «Ежегодно в период паводка и спада воды ханты в определенных культовых местах меняли положение священных рыб, сделанных из дерева или металла. Весной изображения рыб ставили головой к верховьям реки, а в период спада – к устью (Материалы этнографических экспедиций ТГУ 1969 г. к васюганским хантам)» [8. С. 23].

Во время проведения этих экспедиций был снят фотоматериал, который насчитывает 24 альбома, соавторами которых являются Г.И. Пелих, В.А. Посредников, Е.М. Титаренко, Н. Манжос, В. Котликов, С. Бардин. Альбомы можно условно подразделить на общие, например «Фотоальбом этнографических экспедиций Н.В. Лукиной. Салехард и Нижняя Обь. 1987» [9], и тематические, такие как «Вахско-Васюганские ханты. Дети хантов. Ханты в труде и быту» [10].

Помимо материалов, предоставленных на хранение вышеуказанными авторами, в МАЭС содержатся обширные документальные и вещественные этнографические и археологические коллекции томских исследователей по другим народам Сибири. Их ценность, на мой взгляд, заключается в том, что указанные выше рукописи и фотографии позволяют проследить развитие традиционной хантыйской культуры, выявить проблемные моменты и наметить пути ее сохранения.

Источники

1. *Архив МАЭС ТГУ* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tsu.ru/content/tsu/museums/aretmuseum.php> (дата обращения: 12.11.2013).
2. *Лукина Н.В.* Экспедиционная поездка к хантам р. Казым Белоярского района Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области. Август – сентябрь 1990. № 1107.
3. *Лукина Н.В.* Материалы по этнографии хантов и манси. Записи во время командировки в Ханты-Мансийск в феврале 1987 года. № 984.
4. *Кулемзин В.М.* Полевые материалы экспедиции 1982 года в Березовский район Тюменской области. № 1152.
5. *Кулемзин В.М.* Материалы экспедиции в пос. Октябрьский и в пос. Нарыкоры Тюменской области 1979 года. № 780.
6. *Кулемзин В.М.* Дневники этнографической экспедиции в Н. Васюган в марте 1971 года. № 459.
7. *Кулемзин В.М.* Полевые материалы, собранные среди хантов р. Вах, Васюган. № 1152.
8. *Титаренко Е.М.* Промысловый культ у восточных хантов. 1974. (Дипломная работа). № 578.
9. *Фотоальбом этнографических экспедиций Н.В. Лукиной.* Салехард и Нижняя Обь. 1987. № 297.
10. *Фотоальбом Н.В. Лукиной «Вахско-Васюганские ханты. Дети хантов. Ханты в труде и быту».* 1969–1970. № 245.

Cheremisina Kseniya P. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: cheremisina_kp@mail.ru.

FIELD ETHNOGRAPHIC MATERIALS AT THE MUSEUM FOR ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF SIBERIA n. a. V.M. FLORINSKIY IN TOMSK STATE UNIVERSITY

Key words: museum collections; field materials on ethnography; traditional Ob-Ugrian culture; customs; beliefs; colour symbolism; interpretation of nature objects and animals.

In this article we are talking about field and photographic materials collected by Tomsk ethnographers in the period from the 1960s to the 1990s, which are stored in the Museum of Archaeology and Ethnography of Siberia n.a. V.M. Florinskiy of Tomsk State University. The ethnographic expeditions were made mainly to the Khanty of Tomsk and Tyumen region. The last expedition diary by N.V. Lukina is dated 1990.

These field diaries are unique sources of information. Thus, basing on field data the author gives the examples of positive or negative associations with the color of objects and associated beliefs in the household, hunting and spiritual aspects of life in animate and inanimate nature. On the analysis of traditions and beliefs prohibitions, signs, certain rules of human behavior according to subject, place and situation in the different territories of Khanty settlement are stood out.

Photographic collections are of great interest. They can be relatively subdivided into general, such as "The album of ethnographic expeditions by N.V. Lukina: Salekhard and Lower Ob. 1987" and thematic, such as "Vakhovsko-Vasyuganskiye Khanty. Khanty Children. Hunters at work and in life".

In addition to the materials provided for storage by above mentioned authors, MAES contains extensive documentary and ethnographic and archaeological collections of Tomsk researchers on other peoples of Siberia. Their value, in my opinion, is that when comparing the data recorded in field materials and photographs with the current state of traditional culture one can trace its development over time, identify problematic issues and identify ways to preserve it.

References

1. *Arkhiv* MAES TGU [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.tsu.ru/content/tsu/museums/aretmuseum.php> (data obrashcheniya: 12.11.2013).
2. *Lukina N.V.* Ekspeditsionnaya poyezdka k khantam r. Kazym Beloyarskogo rayona Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga Tyumenskoy oblasti. Avgust-sentyabr' 1990. № 1107.
3. *Lukina N.V.* Materialy po etnografii khantov i mansi. Zapisi vo vremya komandirovki v Khanty-Mansiysk v fevrale 1987 goda. № 984.
4. *Kulemzin V.M.* Polevyye materialy ekspeditsii 1982 goda v Berezovskiy rayon Tyumenskoy oblasti. № 1152.
5. *Kulemzin V.M.* Materialy ekspeditsii v pos. Oktyabr'skiy i v pos. Narykory Tyumenskoy oblasti 1979 goda. № 780.
6. *Kulemzin V.M.* Dnevnik etnograficheskoy ekspeditsii v N. Vasyugan v marte 1971 goda. № 459.
7. *Kulemzin V.M.* Polevyye materialy, sobrannyye sredi khantov r. Vakh, Vasyugan. № 1152.
8. *Titarenko Ye.M.* Promyslovyy kul't u vostochnykh khantov. 1974. (Diplomnaya rabota). № 578.
9. *Fotoal'bom* etnograficheskikh ekspeditsiy N.V. Lukinoy. Salekhard i Nizhnyaya Ob'. 1987. № 297.
10. *Fotoal'bom* N.V. Lukinoy «Vakhsko-Vasyuganskiye khanty. Deti khantov. Khanty v trude i bytu». 1969–1970. № 245.